

Содержание

Введение	6	Где жених?	118
Что такое нелепое лицо?	9	Простите, что?	122
Младенец-мужчина XIII века	10	Дрейфуя сквозь туман	127
Самодовольная ухмылочка	15	Прекрасный зеленый Ван Гога	131
Пикантные тайны с двойным дном	18	Справедливая сделка	136
Пекарь печет головы	22	Мальчишки есть мальчишки	140
Девушка в беде	29	Кошки есть кошки	146
Единорог не в лучшей форме	32	Самый быстрый художник в истории	150
Задумчивый архангел	38	Тигр в отчаянии	156
Девушка с салфеткой	42	Обычный день в Небесной канцелярии	160
Средневековая трепанация	46	Вечеринка с жутким финалом	170
Косоглазый шут	50	Римляне-шмимляне	174
Характер важнее красоты	54	Почтальон из преисподней	178
Горе и бархатцы	58	Японская резьба по лицу	184
Бегемот в беде	62	Мохнатый феномен	188
Красота волосатых родинок и блестящих прыщиков	67	Головы полетят	192
Лицо-изобилие	70	По волосам встречаются	196
Хеви-метал-трони	74	Мохнатый комок недоразумений	202
Гнев Зевса	78	Она мертва, жива — или и то и другое?	206
Умеют ли рыбы кричать?	82	Отчего такое вытянутое лицо?	212
Совершенство — это скучно	86	Роскошный парад эмоциональных травм	217
Сила парейдолии	90	Детские страдания в изящном обрамлении	220
Ангельская неловкость	96	Победитель Сатаны	225
Ну, будь я проклят	102	Лик небесной нелепости	228
Розы алые, гости бездыханные	106	Благодарности	234
Чистое зло	111		
Ночной перекус Сатурна	114		

История искусства привлекает меня по трем причинам: красота, захватывающие сюжеты и невероятное количество нелепых лиц. Помимо кистей рук и велосипедов, лицо — едва ли не самое сложное, что приходится рисовать художнику. Возможно, именно поэтому в искусстве полным-полно всяких странных физиономий. Некоторые мастера попросту не умели толком изображать лица.

ВВЕДЕНИЕ

Взять хотя бы Клода Моне — гений света, цвета и пейзажа. А вот с лицами у него — увы и ах. И он прекрасно это понимал. Поэтому старался их избегать в своих работах, а уж если брался изображать, то лица выходили расплывчатыми, без подробностей. Импрессионистскими, так сказать. Посмотрите на «Даму с зонтиком» — восхитительное полотно с двумя совершенно размытыми лицами. И это прекрасно, потому что в данном стиле это выглядит совершенно уместно.

Клод Моне. Прогулка. Дама с зонтиком. 1875. Холст, масло. 100 × 81 см. Вашингтон, Национальная галерея искусств

Но если Моне пытался написать лицо более детально, результат получался... ну, скажем так, своеобразный. Конечно, с годами он поднаторел, а вот когда ему было 22, он создал «Женскую голову». Чудесный образец нелепой физиономии на весьма посредственном портрете.

Откровенно говоря, проблемы с лицами — не такая уж большая беда. Особенно если у художника хватает таланта переключиться на новое направление в искусстве, где лица не главное, да еще и стать отцом-основателем этого направления. Снимаю шляпу перед Клодом.

Но больше всего меня восхищает, когда физиономия на картине выглядит по-дурацки не из-за отсутствия мастерства, а потому что художник хотел изобразить именно такое лицо. Странное. Нелепое. Забавное. Называйте как угодно — главное, что оно выбивается из привычных рамок. Вот тогда-то и появляются *дурацкие лица на гениальных полотнах*. Именно такие картины мы и будем изучать в этой книге.

Клод Моне. Женская голова. Ок. 1862. Холст, масло. 52 × 41,5 см. Париж, Музей Мармоттан-Моне

что такое нелепое лицо?

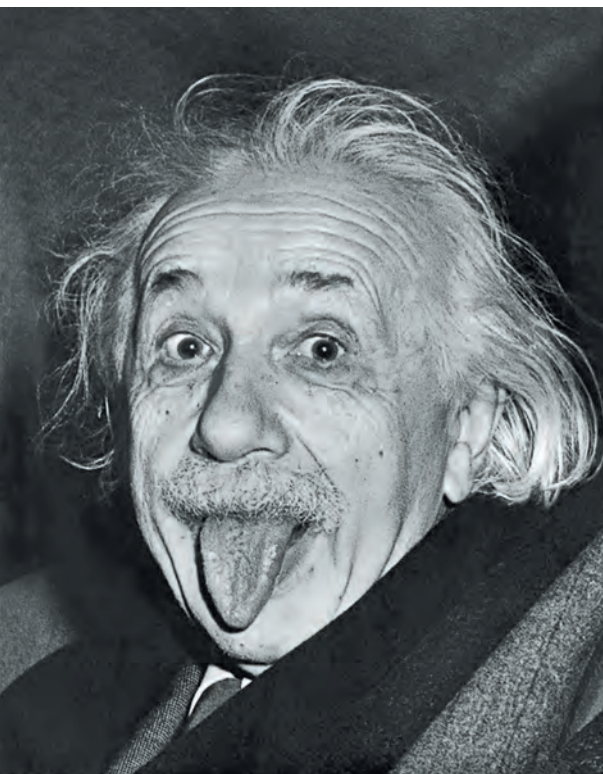
Но что же это вообще такое — нелепое лицо? Уж точно не признак глупости. Глупым считают того, кому не хватает ума — что бы мы под этим ни понимали. Но сейчас речь совсем о другом.

Мы будем пристально разглядывать дурацкие физиономии, но это

никак не связано с интеллектом их обладателей. Скорчить дурацкую рожу может каждый. Тот же Альберт Эйнштейн был на это мастак. На знаменитом снимке Артура Сасса гениальный ученый демонстрирует совершенно идиотскую физиономию.

Так что, когда я говорю «нелепое лицо», это не про ум. Все дело в нелепости выражения или в том, что художник изобразил лицо в довольно необычном стиле. А может, и в том и в другом сразу. Вот на таких лицах мы и сосредоточимся. И главное — мы раскопаем истории, которые за ними стоят. Почему лица такие чудные? Какие чувства прячутся за этой странностью? И как эта физиономия связана с картиной, на которой красуется?

Добро пожаловать в дивный мир нелепых лиц на гениальных полотнах. Поехали!

Артур Сасс. Альберт Эйнштейн. 1951

младенец- мужчина XIII века

Кажется, если как следует покопаться в истории искусства и скрупулезно изучить итальянскую иконографию XIII века, можно запросто обнаружить ранние изображения американского режиссера и сценариста Квентина Тарантино. Потому что, честное слово, сходство просто невероятное.

Может, это кто-то из затерянных в веках итальянских предков Тарантино? А может, его средневековый

двойник? Скорее всего, ни то ни другое, поскольку наше первое странное лицо принадлежит самому изображаемому человеку в истории искусства — и это вовсе не Квентин Тарантино, а совсем другой великий рассказчик по имени Иисус Христос из Назарета. Но постойте, разве Иисуса не рисуют обычно с длинными волосами и бородой? Ну, как сказать. Переверните страницу — и поймете, почему он тут такой... гладковыбритый.

Итак, почему на этом конкретном изображении у Иисуса нет бороды? Все просто: Спаситель еще младенец. А у младенцев бород не бывает. Правда, у большинства младенцев также не бывает залысин, как у сорока-летних. Так почему же художник изобразил младенца-Христа именно так?

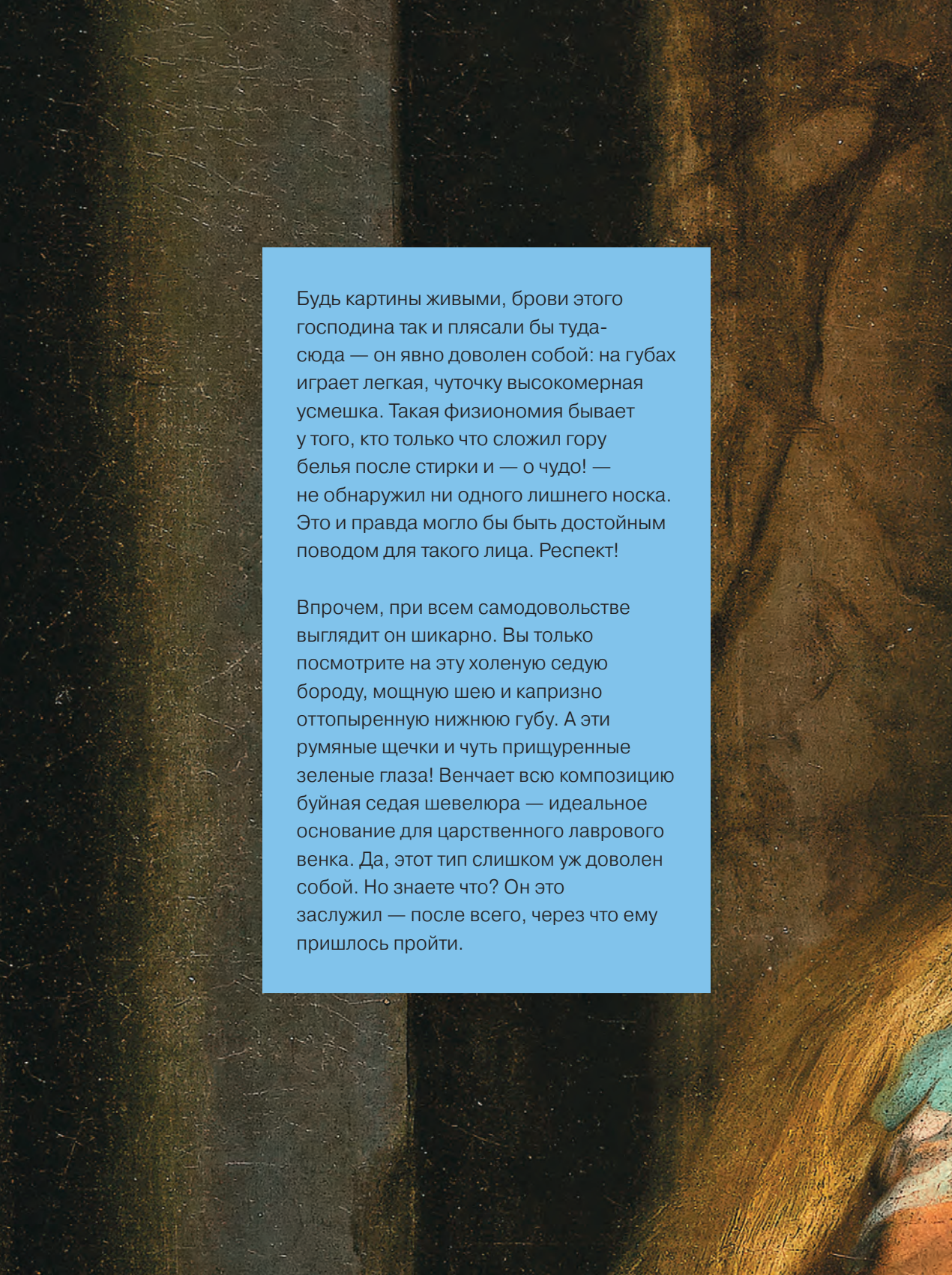
Если вы думаете, что он не знал, как выглядят младенцы, то вы ошибаетесь. Изображать младенца Иисуса взрослым мужчиной — абсолютно осознанный выбор, весьма распространенный в средневековой христианской иконографии. Так подчеркивали, что Христос — не обычный младенец. Он мудрый и божественный младенец, с рождения осознающий свою миссию. И пусть этот странно взрослый младенец Христос

выглядит утомленным жизнью, мы видим, как он поднимает руку для благословения. А Богоматерь изображена с выражением глубокой задумчивости, словно созерцает тайну воплощения.

Создавая подобные образы, художники той эпохи не гнались за портретным сходством — божество было важнее реализма. Главное — не как выглядит Иисус, а что он собой *воплощает*.

Мастер Бигалло. Мадонна собора
Фьезоле. Ок. 1225. Италия,
собор Фьезоле

Будь картины живыми, брови этого господина так и плясали бы туда-сюда — он явно доволен собой: на губах играет легкая, чуточку высокомерная усмешка. Такая физиономия бывает у того, кто только что сложил гору белья после стирки и — о чудо! — не обнаружил ни одного лишнего носка. Это и правда могло бы быть достойным поводом для такого лица. Респект!

Впрочем, при всем самодовольстве выглядит он шикарно. Вы только посмотрите на эту холеную седую бороду, мощную шею и капризно оттопыренную нижнюю губу. А эти румяные щечки и чуть прищуренные зеленые глаза! Венчает всю композицию буйная седая шевелюра — идеальное основание для царственного лаврового венка. Да, этот тип слишком уж доволен собой. Но знаете что? Он это заслужил — после всего, через что ему пришлось пройти.

**САМОДОВОЛЬНАЯ
УХМЫЛОЧКА**

Эту картину можно рассматривать с двух разных ракурсов. Первый уводит нас в дебри безбашенной мифологии. Наверняка вы слышали про Геракла — того самого героя, которому выпало совершить 12 нереально сложных подвигов. Разобраться с горой белья, не потеряв ни носка, вполне сошло бы за тринадцатый, но на самом деле подвиги были чуть менее бытовыми. Взять хотя бы убийство девятиглавого змея — именно этот эпизод запечатлен на картине. Задача не из простых: стоило Гераклу отрубить чудищу одну голову, как на ее месте тут же вырастали две новенькие. Хорошо, что герой догадался позвать на подмогу племянника Иолая — тот был парень смекалистый. «А что, если, — предложил Иолай, — прижигать обрубки, чтобы головы не отрастали?» Сработало на ура. Вдвоем они уколошили гадину, и Геракл смог наконец вернуться к более важному делу — бритью своих умопомрачительно прекрасных ног.

Такова мифологическая подоплека портрета. Вот только самодовольная физиономия на этом великолепном полотне принадлежит

вовсе не Гераклу, а Генриху IV, королю Франции. И его девятиглавой гидрой были французские религиозные войны. И это второй, исторический смысл этой картины. Дело в том, что Генрих был протестантом, а французским католикам это ой как не нравилось. Видеть его на троне они не желали и бились насмерть, лишь бы такого не допустить. За свою жизнь Генрих пережил не менее дюжины покушений.

И все же, несмотря на всеобщую ненависть, наш герой оставался прагматиком до мозга костей. Чтобы удержать корону, он взял и перешел в католичество, обронив при этом знаменитое: «Париж стоит мессы». А через пять лет, в 1598-м, подписал Нантский эдикт, который гарантировал протестантам свободу вероисповедания. Так наш хитрец Генрих умудрился угождать и волкам, и овцам — и католикам, и протестантам. Итог? Религиозные войны во Франции наконец-то закончились. Такое достижение точно заслуживает парадного портрета.

Правда, художник малость потопился. В 1610 году, спустя десять лет после создания картины,

Туссен Дюбрей.
Генрих IV
в образе
Геракла,
побеждающего
Лернейскую
гидру. Ок. 1600.
Холст, масло.
91 × 74 см.
Лувр, Париж

Генриху все-таки пришел конец. И убила его не девятиглавая морская тварь, а озлобленный католик-фанатик. Заколол кинжалом,

раз и навсегда стерев самодовольную улыбочку с королевского лица. Нам повезло — хоть картина осталась.

ПИКАНТНЫЕ ТАИНЫ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

На этом лице застыло выражение крайнего изумления. Глядя на цветущие кусты, в которых притаился этот господин, можно подумать, будто его застучали во время игры в прятки. Но источник его потрясения куда более интригующий. Этот молодой человек — один из трех главных героев игривого шедевра рококо, в котором спрятано несколько пикантных тайн с двойным дном. Первая тайна? Она парит прямо над нашим ошеломленным кавалером.

Полюбуйтесь на вторую героиню — она просто восхитительна. Раскрасневшаяся очаровательная кокетка грациозно взлетает на роскошных качелях с мягкими подушками. В полете она игриво отбрасывает розовую туфельку, а ее юбка при этом распахивается так, что любой, кто окажется в нужном месте в нужный момент, увидит то, что обычно скрыто от посторонних глаз.

Тут стоит заметить, что дамы XVIII века не носили белья

в современном понимании. Они надевали сорочки — свободные нижние рубашки, которые (если теоретически представить, что девица раздвинула ноги на определенной высоте под определенным углом, а внизу оказался наблюдатель) практически ничего не скрывали.

Теперь, думаю, понятно, откуда такое изумление на лице у нашего кавалера в кустах. Но это еще не вся история — на картине прячется третий персонаж.

Перед вами «Качели» Жана-Оноре Фрагонара, или, как любят называть эту картину французы, «Счастливые случайности качелей» (Les Hasards Heureux de l'Escarpolette). Только давайте начистоту — потеря туфельки тут явно не случайность. Девушка откровенно дразнит своего обожателя. А интрига усиливается, когда замечаешь третьего участника сцены: пожилого мужчину, скрытого в тенистых зарослях в правом нижнем углу, который крепко держит веревки качелей.

Кто этот человек в тени? Обманутый муж, от которого красотка качается к любовнику и обратно? Или просто ничего не подозревающий посторонний наблюдатель? Ясно одно: веревки он держит мертвой хваткой.

Кстати, о веревках. Нашей летающей кокетке стоит поостеречься. Присмотритесь внимательнее — веревка над ее головой потерта, того и гляди оборвется. И тогда останется лишь один, но самый главный вопрос: кто из мужчин ее поймает?

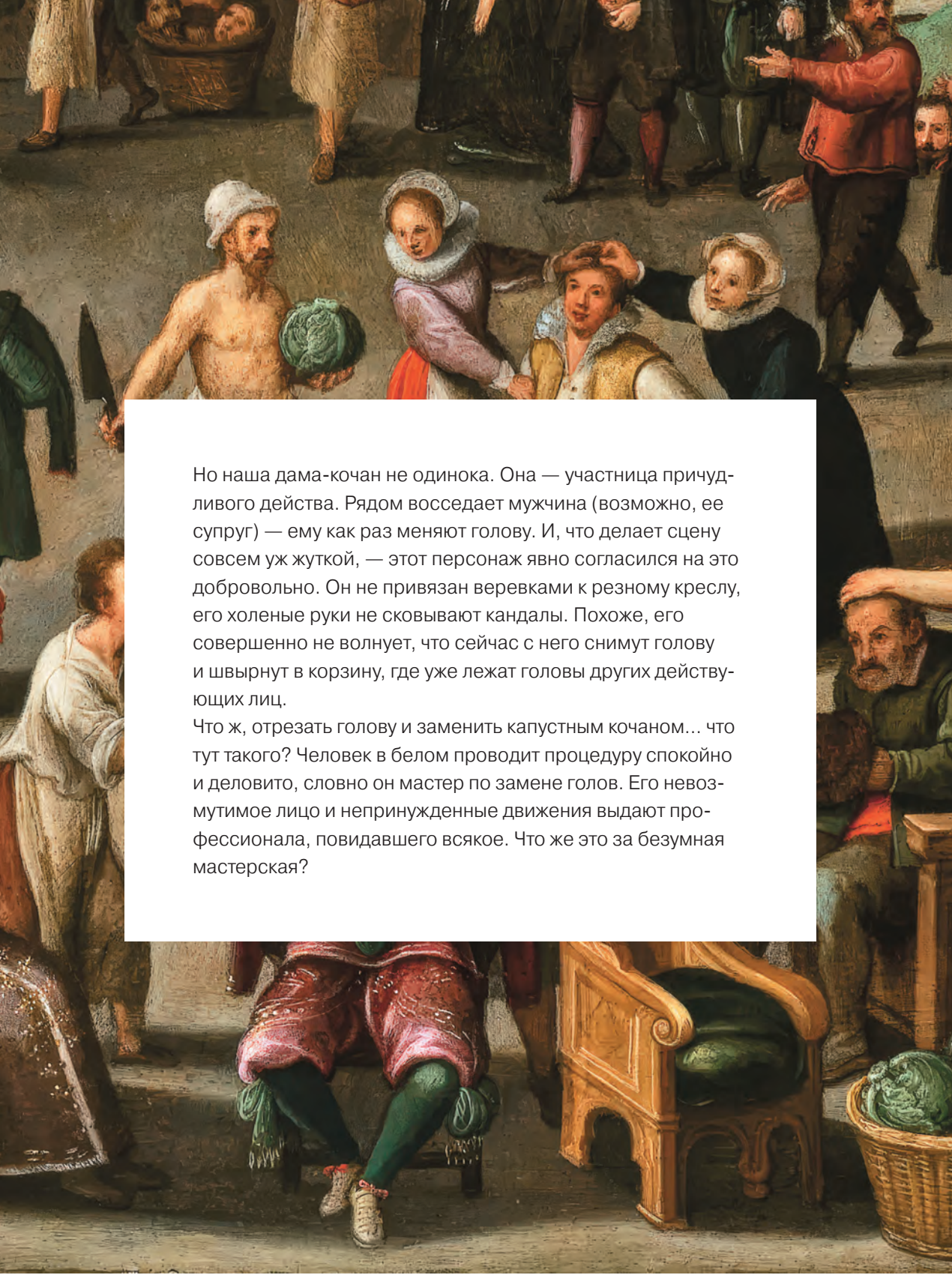
Жан-Оноре
Фрагонар. Качели.
1767. Холст, масло.
81 × 64,2 см. Лондон,
Собрание Уоллеса

пекарь печет головы

Кочан капусты вместо головы?
Послушайте, я обожаю абсурд,
но такой феерии от картины
четырёхсотлетней давности
я не ожидал. Зелёная голова,
которую вы видите, принадлежит
знатной даме, которая — вопреки
всему происходящему — выглядит
совершенно безмятежной. Она
сидит в задумчивости, соединив
кончики пальцев, и словно
размышляет: «А может, надо было
цветную капусту выбрать?»

Но наша дама-кочан не одинока. Она — участница причудливого действия. Рядом восседает мужчина (возможно, ее супруг) — ему как раз меняют голову. И, что делает сцену совсем уж жуткой, — этот персонаж явно согласился на это добровольно. Он не привязан веревками к резному креслу, его холеные руки не сковывают кандалы. Похоже, его совершенно не волнует, что сейчас с него снимут голову и швырнут в корзину, где уже лежат головы других действующих лиц.

Что ж, отрезать голову и заменить капустным кочаном... что тут такого? Человек в белом проводит процедуру спокойно и деловито, словно он мастер по замене голов. Его невозмутимое лицо и непринужденные движения выдают профессионала, повидавшего всякое. Что же это за безумная мастерская?

А это пекарня. Тут желающим отрежут голову, замесят ее как следует, засунут в печь, а после выпечки поставят на полку остывать. А тем временем клиенты заведения коротают время со свежим кочаном капусты на плечах. Беспечная и расслабленная атмосфера картины невольно пугает: одни преспокойно болтают, прогуливаясь с отрубленными головами, другие орудуют тесачами, будто это обычный день на рынке.

Вот вам и сюрреализм за 300 лет до изобретения сюрреализма. Впрочем, сцены с выпеканием людей или частей тела в печах были тогда в порядке вещей. Печь часто символизировала исцеление и преобразование, а огонь выступал магическим катализатором перемен.

Неизвестный мастер.
Пекарь голов.
Ок. 1600–1630.
Медь, масло. 46,5 × 34 см.
Антверпен, The Phoebus
Foundation

Пациенты с капустными головами, терпеливо ожидающие исцеления, — это, вероятно, состоятельные клиенты, которые платят немалые деньги за лечение. Вот только от чего именно лечат их пекари голов — загадка: ведь никто из пациентов не выказывает признаков телесного или душевного недуга.

Так что эта безумная картина прекрасно вписывается в популярную традицию XVI века — высмеивать мнимых врачей. «Пекарь голов»,

скорее всего, издевается над людьми (в данном случае богачами), которые верят, будто могут изменить внешность или характер с помощью некой медицинской процедуры. Объяснение вполне убедительное, но остается последний вопрос: почему именно капуста? А дело вот в чем: по-голландски выражение *iemand een kool stoven*, то есть «испечь кому-то капусту», — старинная поговорка, означающая «одурачить кого-то».

Иными словами, наши пекари голов — обычные шарлатаны, наживающиеся на тщеславии богачей. По-моему, прекрасная аналогия.

девица в беде

Припухшие щеки. Мутноватый взгляд. Неловкая улыбка. Эта юная особа отлично проводит время или молча вызывает о помощи? Что она чувствует на самом деле, непонятно. Ясно одно: длинноволосый мужчина рядом с ней явно как-то в этом замешан. Он добивается ее внимания, осторожно протягивая бокал вина. Осторожность тут нелишняя — девушка-то на него и не смотрит, правда? Она смотрит прямо на нас. И от этого становится не по себе.

Что она пытается нам сказать своим взглядом? Беззвучно молит о спасении от липкого типа, который пытается ее споить? Или сияет от удовольствия, потому что разводит простофилю на выпивку и наслаждается каждой минутой?

А может — и это самый жуткий вариант — ее странный взгляд вообще ничего не выражает, потому что она вдрызг пьяна.

И если дело зашло так далеко, возможно, перед нами извращенец-хищник, который ловким жестом подталкивает ее выпить еще. Неужели этой несчастной сейчас воспользуются?

Полная картина еще больше запутывает ситуацию. В темном углу комнаты виднеется третий персонаж — он дремлет за столом. Приятель назойливого кавалера? Или компаньон девушки, который тоже перебрал и вырубился?

Эту тревожную картину создал голландский мастер света Йоханнес Вермеер. Что он на самом деле имел в виду, мы не знаем,

но напряжение между этими тремя персонажами действительно немного нервирует. Возможно, девушка в красном полностью контролирует ситуацию, и сценка совершенно невинная. Но в то же время ощущение, что сейчас случится что-то скверное. Мы просто не знаем, какая опасность притаилась в этой нарядной гостинной XVII века.

В этом и заключается магия Вермеера. Он создает сцены, в которых происходит что-то странное. Его картины всегда рассказывают истории, но в этих историях, как правило, не хватает кусочков пазла. К счастью, есть выход. Потому что развязку этой истории определяет не подозрительный кавалер и не улыбающаяся девушка. Ее определяете вы.

Вы вольны сами решить, что именно происходит в этой загадочной головоломке Вермеера. Так что дерзайте, делайте выбор. Только, пожалуйста, выбирайте с умом.

Йоханнес Вермеер. Девушка с бокалом вина. Ок. 1659. Холст, масло. 78 × 67 см. Брауншвейг, Музей герцога Антона Ульриха

единорог не в лучшей форме

Искусствоведы утверждают, что единороги символизируют чистоту, но наша рогатая лошадка выглядит далеко не безупречной. Бедолага совсем обветшал: краска местами выцвела и облупилась за долгие годы. Впрочем, плачевное состояние единорога объясняется не только временем — дело в том, что он находился между двумя слоями масляной живописи. То есть он и закрывает собой более раннее изображение, и сам когда-то был скрыт под верхним слоем, который потом удалили. Короче говоря, у этой картины богатая история, и это заметно. Но прежде чем углубиться в ее многослойное прошлое, давайте внимательно рассмотрим девушку с мифической лошадкой.

«Не подходи, это *мой* пони» — примерно такой посыл я считываю в выражении лица этой дамы. Она позирует на фоне лоджии — открытой галереи, откуда открывается вид на холмистые итальянские пейзажи. Этот фон в сочетании с загадочным выражением лица и чуть развернутой фигурой невольно напоминает другую знаменитую даму с пронзительным взглядом — Мону Лизу. Не секрет, что шедевр Леонардо да Винчи произвел сильное впечатление на 22-летнего Рафаэля, автора нашей картины. Но кто же эта дама? В XVIII веке ее определили как святую Екатерину Александрийскую, потому что тогда в руках у нее был вовсе не единорог, а орудие пытки.

Рафаэль. Дама с единорогом. 1506. Холст, масло. 65 × 51 см. Рим, Галерея Боргезе